

Энергетика и экология

МОСКВА, СЕНТЯБРЬ 2010

<http://www.interaffairs.ru>

28 сентября в конференц-зале Высшего горного совета состоялся Круглый стол на тему «Энергетика и экология», который был организован редакцией журнала «Международная жизнь» при поддержке МИД России, Межгосударственной нефтяной компанией «СОЮЗНЕФТЕГАЗ» и Фондом «Мировая политика и ресурсы. Ведущий – Армен Гарникович Оганесян, главный редактор журнала «Международная жизнь».

В дискуссиях приняли участие: Шафраник Ю.К., руководитель Высшего горного совета России, председатель Совета Союза нефтегазопромышленников, глава комитета ТПП РФ по энергетической стратегии и развитию ТЭК; Оганесян А.Г., главный редактор журнала «Международная жизнь», советник министра иностранных дел РФ; Шаманов О. А., начальник Отдела многостороннего сотрудничества в области окружающей среды; Шмаль Г.И., президент Союза нефтегазопромышленников России; Бушуев В.В., генеральный директор Института энергетической стратегии; Цветков В. А., заместитель директора Института проблем рынка РАН, член-корреспондент РАН, профессор, доктор экономических наук; Гинзбург А.С., заместитель директора Института физики атмосферы, доктор физико-математических наук; Шварц Е. А., директор по природоохранной политике Всемирного фонда дикой природы России; Васильев С.К., заместитель директора Международного института энергетической политики и дипломатии (МГИМО); Горбанёв В.А., кандидат исторических наук, доцент кафедры мировой экономики (МГИМО).

Армен Гарникович Оганесян

главный редактор журнала «Международная жизнь», советник министра иностранных дел РФ:

Открывая заседание Круглого стола, прежде всего хочу поблагодарить Юрия Константиновича Шафраника за предоставленную возможность провести мероприятие в конференц-зале в этом уютном здании Высшего горного совета России. А организовала круглый стол редакция журнала «Международная жизнь» при поддержке МИД РФ, Международной нефтяной компанией «СО-ЮЗНЕФТЕГАЗА», и Фонда «Мировая политика и ресурсы», который возглавляет Юрий Константинович Шафраник.

Юрий Константинович Шафраник

руководитель Высшего горного совета России, председатель Совета Союза нефтегазопромышленников, глава комитета ТПП РФ по энергетической стратегии и развитию ТЭК:

Сегодняшняя тема, безусловно, задана Арменом Гарниковичем. Я бы вычленил здесь, от Горного сообщества, свои позиции. Экология в широком смысле этого слова. В любом случае наши производства – непростые, но и не настолько экологически опасны, как это иногда пытаются представить. Я на своем жизненном пути, будучи в должности замминистра, помотался по России и по Союзу бывшему. И уверенно могу говорить, что экология – основа жизнедеятельности человечества. Мы работаем на производстве, которое заведомо что-то нарушает, но некоторые наши люди, с которыми мы сталкивались, воспринимают экосистему как некую философскую вещь.

Техническая и технологическая и профессиональная надежность – вот вторая позиция, главная для нас – находятся на должной высоте. Но это – сопряженные вещи. Когда я сравниваю отрасли, то могу сказать, что профессионализм и техническая и

технологическая дисциплина в нефтяной и газовой отраслях значительно выше. А вот на стыке технологии и оборудования мы не продвигаемся вперед так, как должны. Мы явно не догоняем крутизны мировой экономики.

Саяно-Шушенская и Мексиканская – вот две аварии, которые я выделил бы. В обоих случаях технические возможности, практически 100-процентные, есть и там, и там. Поэтому мы считаем, что на примере таких драматичных событий в этой отрасли не достаточно делается. Более того, я уверенно могу сказать, что огрехов в Мексиканской аварии немало, не меньше, чем в нашей Саяно-Шушенской. Скажу, что уроки и «разбор полётов» тамкратно выше, чем у нас, в России. Я не экспертов принижаю. Финансовые потери компании, которая допустила аварию, уроки, которые извлекло государство, там, в другой стране, произойдуткратно больше, чем у нас. И это меня больше всего беспокоит. И это при том, что причины – халатность, изношенность оборудования, несовершенство инфраструктуры – могут быть одинаковы. Это позволяет сказать две вещи: у нас недостаточна требовательность и жесткость государственной системы. Все нефтяники и газовики – принципиально «за» такое ужесточение. И второе: у нас самое опасное – это система Каспийской акватории. Там в северной части Каспия – иловые поля, и образуйся там нефтяная плёнка, это чрезвычайно опасно в случае катастрофы. Завершая, я бы сказал, что мы все – пользователи экосистемы и к ней надо бережно относиться.

Геннадий Иосифович Шмаль, конечно, скажет, есть примеры,

которые были у нефтяников. Я работал в Татарии. В конце 70-х-начале 80-х годов была проблема чрезвычайная – влияние на экологию разлива нефти. От мелких до крупных случалось до 1000 аварий в год. Но нефтяники коренным образом взялись за дело и за 10 лет тысячи довели до штук. Сейчас в Татарии тема экологической опасности от нефтегазового комплекса не звучит. Это образец, когда власть есть на месте, нефтяники ставят

перед собой задачу и ее выполняют. Нет вопросов – ни технических, ни технологических, ни финансовых. Есть только целеполагание и последовательная политика.

А. Г. Оганесян:

Давайте продолжим. Олег Анатольевич расскажет о том, что нам стоит ожидать от нового экологического или, как его называют, климатического саммита, который состоится в конце этого года.

Олег Анатольевич Шаманов,

начальник Отдела многостороннего сотрудничества в области окружающей среды МИД РФ:

Тема, которой я занимаюсь, имеет непосредственное отношение к теме дискуссии. Наш отдел сейчас проводит многосторонние переговоры по новому климатическому режиму на период до 2012 года, когда истекает срок действия Киотского протокола. Этот документ содержит конкретные обязательства для развитых стран. В повестке дня переговоров вопрос о том, что должно прийти на смену Киотскому протоколу.

Киотский протокол на сегодняшний день выполнил свою задачу, что касается, скажем так, создания базовой площадки для снижения климатической нагрузки на экологическую систему. Я не практик, ни климатолог, не ученый, я — действующий дипломат. И для нас главная задача — определение общей конфигурации будущего режима. Наиболее важной в этой связи была прошлогодняя

Копенгагенская конференция сторон. Ее называют климатическим саммитом по той простой причине, что на эту конференцию съехались главы государств и правительств. Эта международная конференция была беспрецедентной по составу участников.

Я работаю в отделе экологии, который

был создан в МИД в 1988 году. Работаю там с самого момента его существования в разных качествах. И я, действительно, не припомню такого форума по вопросу экологии, куда бы съехалось столько глав государств и правительств. В этом было достижение Копенгагена, и в этом была большая мина замедленного действия, которая у них сработала. То есть эффект завышенных политических ожиданий не позволил подойти к проблеме трезво. Здесь трудно найти какой-то общий знаменатель. Поскольку я вижу здесь представителей промышленности, прежде всего нефте- и газодобывающей отраслей, конечно, не могу не сказать, что у многих стран за красивыми словами «экология» и «климат» стоит вопрос, касающийся на прямую экономики, — запасы углеродных видов топлива и создание такого «парникового эффекта», который наблюдается. С научной точки зрения, есть понимание того, что антропогенное воздействие на климат, несомненно, имеется. С другой стороны, имеется понимание того, что развитие наше должно быть устойчиво сочетать не только экологические факторы, но и экономические, и социальные.

В итоге эта тема, действительно, сейчас приобрела не только экологическое, но и политическое звучание. К сожалению, вот этот гордиев узел — «экономика — экология — социальные факторы» — пока разрубить не удастся. Очень много полярных точек зрения. Есть заведомые и, не побоюсь это сказать, запросные позиции. Трюкачества много на этой почве. Вводятся в оборот понятия, которые, может быть, не очень адекватные. Я опять же апеллирую к представителям нефте- и газодобывающей отрасли. Я могу сказать, что активные наши партнеры вводят термин низкоуглеродной экономики в качестве целеполагания на будущее. В то время, на мой взгляд, объективнее было говорить о низкой эмиссионной

экономике. Понятно, что некоторым иностранным партнерам российский потенциал нефте- и газодобывающей отрасли не очень представляется интересным в качестве конкуренции.

Я позволю себе очень коротко сказать, что Копенгаген, к сожалению, не закончился каким-то удовлетворительным решением. Более того, Копенгаген оказался провальным с точки зрения того, какие его итоги были констатированы. Опять же к этому надо подходить объективно. Мы, например, по крайней мере в своем ведомстве, далеки от, скажем так, алармистских оценок, от апокалипсических настроений. Процессы в экологии – такие же непростые, как скажем, в сфере разоружения, – которые длятся годами. Наш ориентир – после 2012 года выйти на всеобъемлющее соглашение, которое в одном юридическом формате охватывало бы обязательства развитых стран, и обязательства развивающихся стран. И здесь – основной камень преткновения. У нас в переговорном процессе, выражаясь дипломатическим языком, переговоры идут по двум параллельным трекам: Киотский протокол и некие действия на будущее. Нам пока никак не удастся перевести эти два трека на единую площадку. Развивающиеся страны здесь категорически отказываются давать «зелёный свет» на какие-либо опции, которые позволили бы нам выйти на такое соглашение. Мы говорим развивающимся странам, что мы не пропагандируем, не исповедуем точку зрения, которая предполагает навязывание сверху неких неприемлемых для них обязательств. Мы говорим о том, что нам нужен общий юридический формат, но в рамках этого формата обязательства будут дифференцироваться как для развитых, так и развивающихся стран. Здесь с нашими коллегами по лагерю развитых стран есть взаимопонимание, потому что Евросоюз позиционирует себя как апологет климатического движения. Они предлагают схему движения

сверху вниз. Надо установить благие пожелания и цели, которые будут способствовать движению снижения климатической нагрузки, а потом рассчитать, кто из развитых стран, сколько в шапку, пущенную по кругу, кинет в плане сокращения эмиссий. Мы говорим, что живем в реальном мире и нам необходимо двигаться снизу вверх, то есть государства должны установить те обязательства, которые им под силу. Разумеется, юридический формат будет общим, но обязательства будут различными для развитых и развивающихся стран. Впереди у нас очередная конференция сторон в Канкуне – ноябрь-декабрь этого года. Сейчас ведутся переговорные сессии, которые готовят документы. Мы не склонны раздувать завышенных политических ожиданий. Ситуация сейчас – зеркальная, такая же, как была в Копенгагене. Мы уже сейчас понимаем, что выход на новое всеобъемлющее, готовое к принятию, соглашение на данном этапе невозможно.

Надо прямо признать, что принимающая сторона (Копенгаген), председатель конференции оказались не готовыми к вызовам многосторонней дипломатии, в рамках которых все страны мира, – будь то маленькая островная нация или огромная страна, – настолько чувствительно относятся к тому, будет ли их голос услышан. Именно этот предлог, чисто процедурный, был использован в последнюю ночь в Копенгагене для того, чтобы поставить крест на крупнейшую работу, которая была проделана, в том числе и нашим президентом. Я сам был тому свидетелем, как президенты «с пером в руке» сами писали документы. Очень печально, что соглашение, которое было разработано в Копенгагене, не получило своего полномасштабного признания. Оно как раз, с нашей точки зрения, является единственным возможным на сегодняшний день прообразом компромисса по будущему климатическому

режиму, потому что оно объединяет в себе два крыла: развитый и развивающийся мир. Никакие действия во имя климата невозможны, если мы не будем учитывать таких гигантов, как Индия, Китай, Бразилия. Копенгагенское соглашение содержит в себе все эти элементы – оно содержит обязательства развитых стран и меры и политику в развивающихся странах.

Надо отметить, что с Копенгагенским соглашением ассоциировались почти 140 стран – это приблизительно 80 процентов выбросов, тогда как, например, с Киотским протоколом связано только 30 процентов глобальных эмиссий. Поэтому Россия выступает последовательным сторонником этого документа и базовых принципов, заложенных в нем. Мы считаем, что Киотский протокол должен быть усовершенствован в соответствии с нынешними реалиями. Таким образом, перед нами сейчас стоит задача – найти общий формат, попытаться принять некие решения, которые будут строительным материалом, из которого нам предстоит выработать этот режим. Мы не говорим, что в Канкуне мы можем принять пакет значимых официальных решений, которые, на наш взгляд, должны каким-то образом легитимизировать и далее Копенгагенское соглашение, те обязательства и намерения по сокращению эмиссий и осуществлению политики мер, которые были представлены в рамках этого соглашения развитыми и развивающимися странами. Есть блок вопросов, которые находятся на достаточно продвинутой стадии: по финансированию – то, о чем договорились главы государств и правительств, так называемые «быстрые деньги» для оказания содействия развивающимся странам. Кроме того, на достаточно продвинутой стадии переговоров находится вопрос о мониторинге усилий сторон и ответственности, и, разумеется, технологии. Последнее, что я хотел сказать, у нас

есть большая группа стран, которые действуют в одном ключе, это не только крупные страны из числа крупнейших промышленных держав (США, Япония, Канада), это наши ближайшие соратники и коллеги – страны с постсоветского пространства, стран СНГ. У нас с ними много общего – социально-экономическое наследие. У нас очень сильное и плотное взаимодействие с Беларуссией и Украиной. Мы эффективно отстаиваем такое понятие, как интересы стран с переходной экономикой.

Дело в том, что есть ряд стран, которые сознательно оказывают давление на страны СНГ. Вот Беларуссия, которую Россия поддерживала во всех отношениях и предупреждала наших партнеров, прежде всего из Евросоюза. Это пример, когда страна Беларуссия не приняла на себя по Киотскому протоколу никаких конкретных обязательств по снижению выбросов парниковых газов. Их нельзя в этом винить, они просто не были к этому готовы. Это – объективная ситуация. Американцы тоже, может быть, не были готовы к ратификации и отказались. Беларуссия – это пример того, как государство сознательно идет на то, чтобы принять на себя обязательства. До сих пор белорусская поправка так и не ратифицирована. При этом огромная группа стран, которая активно участвовала в просчете этих обязательств для Беларуссии, и здесь не надо ничего скрывать, потому что все документы опубликованы на сайте Конвенции. Евросоюз, мониторивший весь переговорный процесс и принявший на конференции сторон в 2006 году решение по Беларуссии, теперь фактически отказался от ратификации белорусской поправки. На сегодняшний день Беларуссия набрала около 40 ратификаций, что совершенно недостаточно для того, чтобы она стала стороной, имеющей обязательства по Киотскому протоколу. Разве здесь нет двойной игры? С одной стороны, боль-

шая группа стран говорит, что надо быстрее образом спасать климат, а с другой, - блокирует и не ратифицирует обязательства.

Мы стараемся всемерно освободить площадку экологии от ненужной политизации. И мы смотрим на объективные вопросы, которые стоят у тех стран, которые участвуют в переговорном процессе. Это нам помогает плодотворно и рука об руку работать с партнерами.

А.Г.Оганесян:

Олег Анатольевич, у меня есть один вопрос по Китаю. Претерпевает ли какие-то изменения позиция Китая по экологическому вопросу?

О.А.Шаманов:

Мы наблюдали на Копенгагенском совещании, как на уровне китайского руководства постепенно зреет осознание того, что оставаться на старых позициях, ничего не делая, невозможно. Китай сейчас делает все, чтобы поправить эту ситуацию. Но в переговорном процессе мы наблюдаем явный разрыв между тем, что было сказано на самом высоком уровне в Копенгагене, и тем, как действует китайская команда на переговорной площадке. Очевидно, что они испытывают тяжелейший груз экологических задач, проблем, которые у них есть за плечами. В переговорном процессе китайская делегация занимает очень жесткую позицию по разделению так называемых двух треков. Они практически являются единственными, кто отказывается говорить о том, что надо нам объединить усилия всех стран.

Геннадий Иосифович Шмаль, президент Союза нефтегазопромышленников России:

Есть ли информация или статистика о том, сколько в мире куплено и продано всех выбросов, связанных с Киотским протоколом.

О.А.Шаманов:

Статистика есть. Я, к сожалению, ее по памяти воспроизвести не могу. Тема, отчасти плохо освещенная в прессе, привлекается под углом зрения только так называемого горячего воздуха, когда раздувается миф о том, что торговля квотами на выброс не делает ничего хорошего для решения экологических проблем. Так называемый киотский механизм – это очень эффективный инструмент выполнения обязательств. Впервые в области экологического права – я готов говорить об этом со всей ответственностью – был применен этот инструмент в международно-правовом документе. Сейчас у нас утверждены 15 проектов совместного осуществления.

Г.И.Шмаль:

Дело в том, что у нас реализовать Киотское соглашение практически невозможно. У нас все настолько забюрокрачено, что я даже не знаю, какой же выход надо найти, чтобы реализовать 1-2 проекта и показать этот механизм.

О.А.Шаманов:

Проблема - в отсутствии нормативной базы. Вот за нее мы и бились. Я могу сказать, хотя казалось не дело МИДа этим заниматься, но мы практически участвуем в том, что разрабатывается буквально подстрочно. Процесс шел непростительно долго. Он только сейчас фактически завершен. Что касается того, что говорите вы, вот теперь с этого года есть нормативная база. Именно поэтому сейчас запущены 15 первых проектов совместного осуществления.

Александр Самуилович Гинзбург

заместитель директора Института физики атмосферы, доктор физико-математических наук:

Очень важно, что Россия — один из ключевых игроков на переговорных процессах. Что касается нефте- и газодобывающей отрасли и экологической безопасности... В 2004 году, когда не было понятно, ратифицирует Россия Киотский протокол или не ратифицирует, я был с Александром Ивановичем Бедрицким в Вашингтоне. Тогда была заметна крайняя озабоченность американских «зеленых». Мне предложили тогда посмотреть сайты американских угольных, нефтяных и газовых компаний по вопросам изменения климата. По данным сайтов угольных и нефтяных компаний — нет никаких проблем, а газовых компаний, наоборот, они активно занимаются проблемами изменения климата. Сейчас почему-то исчезло слово, которое лет 10 назад было очень модно, так называемая газовая пауза. Раньше считалось, что газа все больше и больше и можно перейти целиком на газ, который менее опасен, чем нефть или уголь, и надо жить на газе, пока не будет других источников энергии (ветер, солнце, атом и т.д.). Кстати, когда сжигают газ — сжигают метан, тоже парниковый газ. Он значительно более активен. К сожалению, до сих пор не подсчитано толком, какое парниковое воздействие оказывает сжигание газа. Углекислого газа становится больше, метана меньше. Каков суммарный эффект? Нет таких исследований. Почему?

Что касается экологической безопасности... Я тут посмотрел книгу, в которой есть статья Константина Симонова, который недавно пригласил меня в Президент-отель на конференцию «Климатическая доктрина: путь к катастрофе». Климатическая доктрина — это никакой не путь, это некий инструмент, поэтому он не может быть путем ни к благоденствию, ни к катастрофе.

Вспоминаю конференцию 2006 года в Пекине по климатической и энергетической безопасности. Одним из важных вопросов энергетической безопасности есть судьба трубопровода в теплеющем климате. Этот вопрос актуален сейчас в России, потому что сибирские реки пересекаются трубопроводами. Когда берега замерзают, они могут рвать трубопроводы. К сожалению, вот такая климатически энергетическая проблема существует. Нет социального заказа на то, чтобы ее вместе нефтяники, газовики, геологи, климатологи решали. Еще один момент. Альтернативная, нетрадиционная, энергетика не может развиваться в России никак, пока не будет сделано то, что есть в Европе. Там другие тарифы на электричество, если оно получено с помощью ветра или солнца. Если не будет государственного решения, то такая ветвь энергетики развиваться не будет.

Касательно жары в Москве. Никакого климатического оружия не понадобилось, столь продолжительная жара — это вполне понятный атмосферный процесс, хотя и экстремальный. У нас заметным климатическим фактором становятся так называемые антропогенные потоки тепла, то есть на урбанизированных территориях количество выделяемой энергии сравнимо в отдельные времена года, суток с тем, что поглощается от солнца. Мы считаем антропогенные потоки тепла для городов и мегаполисов мира. Оказывается, что считать их толком нельзя по одной простой причине, что статистика электропотребления есть в городах всего мира, а вот подсчитать суммарное энергопотребление практически невозможно.

Геннадий Иосифович Шмаль

президент Союза нефтегазопромышленников России:

Я хочу продолжить тему, что влияет на ситуацию в городах. Нынешнее лето показало, что у нас совершенно низкий уровень управления экономикой и жизнью страны. За неделю можно было построить водовод из Волги и залить все болота. А мы в течение полутора месяца травили людей. Конечно, климат влияет, но здесь, прежде всего, организационные дела.

Следующий вопрос. Мне думается, что все наши беды из-за того, что нет серьезного подхода к вопросам технического нормирования. 8 лет назад был принят закон о техническом урегулировании. Главное, что там записано, мы должны жить по техническим регламентам. Регламент о безопасности .. табачных изделий, молочной продукции, зданий, сооружений. Но за это время было принято всего 15 технических регламентов. Из них действуют – 1-2. Надо менять этот закон и думать о том, что делать, чтобы наши технические регламенты влияли на экологическую безопасность и т.д. Юрий Константинович Шафраник затронул тему – аварию в Мексиканском заливе. Для нас - это очень тревожный звонок, потому что, во-первых, наши моря совершенно

иные, во-вторых, необходим совершенно другой уровень надежности: оборудование, персонал и т.д. Теперь о работе на шельфах, тем более на наших – Каспий или любые другие. Вот, например, авария на танкере Exxon Valdez в 1989 году. Тогда вылилось 40 тысяч тонн нефти. В Мексиканском заливе – порядка 500 тысяч тонн. Тогда затраты составили 4 миллиарда долларов, поэтому это вопрос и экологический, и экономический. Полторы тысячи береговой полосы и целый ряд других проблем.... Мы начинаем работы на шельфах, прежде всего на Каспии. Но ведь у нас ни одного технического регламента на работу на шельфах, ни одного стандарта. Нам говорят, последние замечания в закон были приняты в конце прошлого года. Будем брать зарубежные стандарты. Но нам надо пристально смотреть, каким же образом использовать зарубежные стандарты.

Теперь о теме, которую уже затрагивали – состояние трубопроводов. В одной нашей Западной Сибири порядка 100 тысяч километров промысловых трубопроводов. Каждый день десятки, сотни прорывов бывают. Одна треть из них проработала уже более 30 лет. У нас даже по магистральным трубопроводам срок службы 33 года. Многие наши газопроводы, например, в северной части Тюменской области, построены в 1972 году. Время идет. А ведь какая экологическая катастрофа может быть?! В прошлом году на Озерной улице в Москве, вы помните, произошел взрыв. Ведь нет серьезной диагностики городских трубопроводов. Это очень серьезный вопрос. Мы очень крупно отстали в нашем законодательстве. Спорим, сколько мы сжигаем нефтяного газа – 15 или 20

миллиардов тонн. Сейчас компании разработали четкие программы утилизации использования попутного нефтяного газа. На Совете директоров компании «Ютек» эта тема обсуждалась. В 2012 году мы, наверное, добьемся этого 90-процентного уровня, но закона об использовании попутного нефтяного газа нет, закона о нефти нет. Надо сделать серьезное общественное обсуждение этого закона, потому что он затрагивает многие интересы наших людей. Кстати говоря, по вопросам безопасности г-н Шварц и его команда год назад разработали интересную концепцию закона о запрещении загрязнения российских морей. Но, во-первых, концепцию необходимо обсудить, во-вторых, принять закон. Мы – страна, которая имеет больше всего магистралей, а закона о них нет. Когда мы говорим о работе нашей Думы, мы должны нацеливать ее на вопросы, которые в большей степени касаются безопасности и эко-

логической, и экономической.

Об условиях газификации. Вся Сибирь, кроме, пожалуй, Тюмени и Омска, вообще не имеют газификации сетевым газом. Страна, которая добывает больше всего газа на уровне Америки, газ использует плохо. Там, в Сибири топят дровами и углем. Кстати, тоже экологические проблемы. С 2009 года мы сократили добычу газа почти на 80 миллиардов, потому что у нас Европа не взяла. Так давайте решать эти проблемы.

Тема экологии настолько велика, так как она затрагивает и вопросы безопасности. Поэтому эти проблемы являются главенствующими для наших современных компаний. Например, у «Лукойла» есть программа безопасности до 2015 года. Кстати, иностранные компании, работающие у нас, приносят нам не только вопросы, связанные с финансированием, они приносят новые технологии.

Владимир Афанасьевич Горбанёв

к.и.н., доцент, преподаватель географии кафедры мировой экономики (МГИМО):

То, что климат меняется – это неоспоримый факт. Ученые-географы убедительно показали, что за последние 100 лет средняя температура атмосферы повысилась на 0,75°. Это – много. А вот дальше идут разногласия. Часть ученых, и в России и за рубежом, считают, что явное изменение климата связано с долговременными колебаниями климата. Большинство ученых РАН, например, доказывают, что, наоборот, пик потепления прошел и сейчас пошло похолодание. Но на этот долговременный колебательный процесс накладываются короткопериодные флуктуации и в соответствии с этими флуктуациями мы сейчас переживаем короткопериодное потепление. Т.е. причина потепления – в основном, природные колебательные процессы.

Именно эту точку зрения докладывали недавно (15.12.09) президенту России Дмитрию Анатольевичу Медведеву уважаемые академики Николай Павлович Лавёров, Юрий Антонович Израэль и Юрий Сергеевич Осипов.

Но ведь существует и другая точка зрения – изменение климата дело рук человеческих, т.е. это так назы-

ваемый «парниковый эффект», вызванный эмиссией парниковых газов – CO₂, метана, закиси азота и водяного пара. CO₂ попадает в атмосферу, прежде всего, благодаря выбросам при сжигании органического топлива. Именно ископаемое топливо, как источник энергии, на которое приходится более 80% мирового потребления, дает 95% антропогенных выбросов углекислого газа. В Оценочном докладе об изменении климата в России прямо сказано, что сравнение модельных расчетов с фактическими данными метеонаблюдений за температурой дает убедительные аргументы в пользу антропогенной природы наблюдаемого потепления. Таким образом, как видим, есть две точки зрения на существующую проблему, и каждая имеет право на существование. Если мы будем искусственно какую-либо точку зрения замалчивать, а другую, наоборот, лоббировать, то это уже будет не наука, «лысенковщина».

Возвращаясь к упомянутой дискуссии у президента, то там звучала только одна точка зрения, и президент невольно оказался в плену именно этой позиции. А ведь, наверное, нужно было пригласить ученых, придерживающихся разных позиций. Тогда бы и дискуссия была бы похожа на дискуссию.

И я своим выступлением хочу именно к этому призвать тех, кто формирует позицию руководства страны, и, конечно, журналистов, формирующих мировоззрение общественности: сбалансировано и объективно отражать эту проблему, а не так как в известном документальном фильме, показанном по ТВ пару месяцев назад, где противоположную сторону называли чуть ли не шарлатанами. Фильм был просто отвратительным по своей заангажированности.

Но, опять возвращаясь к дискуссии

у президента, хочу подчеркнуть, что президент оказался мудр и не поддался одностороннему давлению. Очень аккуратно он сказал, что при любых сценариях, - я это подчеркиваю, - при любых сценариях мы будем развивать энергоэффективную экономику, создавать современную энергетику, тем самым сокращать выбросы CO₂ в атмосферу. Президент пообещал, что к 2020 г. мы сократим выбросы парниковых газов на 25% от уровня 1990 г. Правда, эта цифра вызвала вполне разумное сомнение у академика Израэля Юрия Антоновича. Он обоснованно заметил, что в 90-е годы мы действительно резко сократили выбросы парниковых газов, но это произошло не из-за внедрения новых технологий, а благодаря тому, что предприятия не работали. Сейчас экономика выходит из состояния стагнации, и мы вряд ли сможем достичь объявленных цифр эмиссии. Но пре-

зидент очень тактично с этой точкой зрения не согласился, на что академик Израэль ответил, что его долг, как ученого, предупредить об этом. Мне же в свою очередь кажется, что академик был прав: не нужно спешить с такими амбициозными планами и цифрами.

А.Г. Оганесян:

Приведу интересную цитату одного английского экономиста: «Тот, кто думает, что можно бесконечно развиваться по экспоненте и в экономике, и в потреблении в нашем мире, тот или сумасшедший, или экономист». Вот свежая информация The Christian Science Monitor: Защитники окружающей среды говорят, что их поражает исступленная гонка в попытке открыть Арктику для коммерческой эксплуатации. Если кто-то из вас коснется этой темы, нам было бы очень интересно.

Бушуев Виталий Васильевич

генеральный директор Института энергетической стратегии:

Дискуссии становятся плодотворными тогда, когда мы говорим о разных вещах с разных точек зрения. В этом отношении мне кажется разумным говорить сегодня об экологии, энергетике и экономике. В этой триаде понятия экологии и экономики, по сути, слова-синонимы. Экономику мы рассматриваем как науку о хозяйствовании в планетарном или региональном смысле, а экологию каждый понимает по-своему. Я помню, как в 1989 году в Верховном Совете Советского Союза был организован Комитет по экологии. Руководителю Комитета специалисты, подчеркиваю — специалисты, задали такой вопрос: «А что вы понимаете под словом экология?» Они-то апеллировали к энциклопедическому толкованию, а бывший секретарь обкома ответил очень просто: «Чтобы человеку было гармонично жить в природе». Они его обсмеяли. А, на самом деле, экология — это наука о гармонии в нашем общем доме. Есть еще одно слово — политика. Поэтому сегодня экономические, экологические, энергетические решения принимаются по политическим мотивам.

Мы приняли понятия экономической, энергетической и экологической безопасности. Сегодня мы начинаем говорить об экономической, энергетической и экологической эффективности. А

здесь уже возникает вопрос взаимного непонимания. Если раньше экологию сводили к понятию биосферы, существованию биологических объектов, потом в нее стали включать человека. Сегодня говорят о защите окружающей среды от человека. И когда экологию отождествляют с климатическими изменениями — это, с моей точки зрения, мягко говоря, не корректно.

Действительно, человек принимает решения, не исходя из какого-то частного случая. Первые гидротехнические сооружения, великие советские стройки, создавались не для энергетических целей, не для выработки электроэнергии, а в первую очередь для ирригации, нужд сельского хозяйства, отчасти для климата, а потом уже вырабатывающая электроэнергия. Сегодня на этих объектах стал доминировать принцип производства электроэнергии. На примере Чебоксарской ГЭС. Как только мы отходим от этой комплексности, так мы совершенно перестаем друг друга понимать. Решения могут быть приняты из многофакторных задач. Очень важным является тот факт, что мы мало говорим о том, что вода — это будущий энергетический ресурс. Она аккумулирует энергию солнца не меньше, чем аккумулируют нефть и газ. В этой связи ключевым вопросом является, как мы этот водный ресурс поставим на службу человека.

Говоря о том, как энергетика влияет на климат, на окружающую среду, мы должны понимать, что эта ситуация — политическая. Лет 15 лет назад я в беседе с руководством Международного энергетического агентства предложил: «Давайте пригласим специалистов международного класса и попробуем разобраться, как энергетика влияет на окружающую среду». Мне ответили: «Такие исследования мы проводить не можем, потому что мы — организация политическая. Политическое решение о влиянии энергетики на климат принято». Мы не далеко ушли от этой ситуации. Нам необходимо помочь

руководству страны подойти к решению этих вопросов комплексно – вот это важно. На мой взгляд, нет более политизированной сферы, чем экономика. В этой связи возникает вопрос, что такое глобализация и уместна ли она в 21-ом веке? Я глубоко убежден, что увлечение глобализмом заканчивается. Сегодня мы понимаем, что многие проблемы, решения имеют исключительно региональный характер. США, несмотря на разговоры о глобализации, первыми пошли на национальное самоозвучивание. Они поняли, что надо обеспечивать себя своими собственными ресурсами, базируясь на своих собственных интересах, на своих возможностях. Все эти разговоры о тяжелой нефти, о сланцевом газе и т.д. – это политические решения, обусловленные проблемами национальной безопасности. То же самое и в Европе, которая, так сказать, экологизирована и зависима от политических решений. Европейцы совершенно не заботятся об окружающей действительности, но когда речь заходит о поставках из России, они заявляют, что это экологически вредно. В этом отношении Киотский протокол хорош не теми конкретными решениями, которые там были приняты, а своим политическим заявлением. Он сыграл свою позитивную роль. Я сам голосовал за Киотское соглашение, потому что это был единственный действующий инструмент. Что бы мы сегодня не говорили об эффективности снижения издержек энергии, ничего хорошего не получится, если мы не будем вкладывать деньги.

В.А.Горбанев:

Я в чем-то согласен с Виталием Васильевичем, а в чем-то нет. Не так давно у нас была географическая конференция в Австралии. Мне поручили там ведущих специалистов спросить, какую долю занимает экология в географическом образовании. На что специалисты из 4-х зарубежных стран ответили, что ника-

кую, они дают окружающую среду, а не экологию. Слово экология сейчас у нас заезжено. Есть промышленная экология, и социальная, и инженерная, и политическая. На мой взгляд, есть только два понятия. Есть экология в его классическом понимании – взаимоотношение живого организма с биотической и абиотической окружающей средой. Понятие чисто биологическое. Но в последние десятки лет это понятие расширяется. Речь уже идет не только о биотической и абиотической природе, но и социальной, об экономической сфере. Когда идет объединение природной, экономической и социальной среды – это уже геоэкология, чем и занимается географическая наука.

Насчет глобализации. Есть известный старейший философский закон – единство и борьба противоположностей. Есть борьба глобальных процессов (глобализации) и регионализация.

А. Г. Оганесян:

Я хочу внести одну гуманитарную ремарку. Для человека, переживающего ту экологию, которую он вдыхает, ощущает, – это очень антропогенно. Мы это понимаем. Антропогенное восприятие ведет к тому, что человеку плохо думается, плохо пишется, он больше ссорится, переживает нервный стресс. Среда меняется под воздействием технологий. Интуитивно каждый из выступающих, конечно, имеет в виду этот фактор. Отделить, скажем, климатические изменения от экологии невозможно, все взаимосвязано. Виталий Васильевич очень интересно говорил об альтернативной энергетике. То же Международное энергетическое агентство опубликовало очень интересный отчет в журнале «Commentary.» Что показали таблицы? Уровень потребления энергетических ресурсов настолько высок, что даже если мы представим, что эта альтернативная энергетика будет расти, она все равно будет сокращаться.

Евгений Аркадьевич Шварц

директор по природоохранной политике Всемирного фонда дикой природы:

Проблема экологии очень важна на сегодняшний день. Мы обязательно должны извлекать уроки из Мексиканской катастрофы. Сейчас многое меняется. Россия - один из главных поставщиков углеводородов в мире. Понятно, что к ней будут относиться с подозрением и осторожностью, несмотря на многие факторы. Я не согласен с Виталием Васильевичем.

Существование политических интересов – это было и будет всегда. Они не отменяют объективных фактов. Раз мы являемся ведущим поставщиком углеводородов, мы должны продемонстрировать то, что наше поведение, ответственность соответствуют международным стандартам. Очень интересную инициативу выдвинул летом этого года на Q-20 в Торонто Президент России Дмитрий Медведев, когда ни США, ни Канада, ни Великобритания, а именно Россия предложила усилить международное урегулирование, предложив конкретно создание группы, усиление законодательства. Это был, на мой взгляд, определенный успех и руководства страны, и дипломатического ведомства в том плане, что это процесс не умер, он развивается. Самое важное, когда учитывается большой международный опыт, инкорпорируется. Крайне важно, не рассматривать международное соглашение как ограничение нашего развития, а как, в том числе, как инструмент защиты России своих интересов.

Сергей Константинович Васильев

заместитель директора Международного института энергетической политики и дипломатии (МИЭП МГИМО):

Пользуясь случаем, я хочу заявить о своем институте – Международном институте энергетической политики и дипломатии – и пригласить всех присутствующих на празднование нашего 10-летия в декабре этого года.

Международный институт энергетической политики и дипломатии (МИЭП) МГИМО (У) МИД России готовит специалистов, необходимых для успешного международного энергетического сотрудничества. Он обеспечивает мировой уровень образования благодаря совместным проектам с ведущими учебными центрами Европы. Созданы пять совместных институтов - Российско-Германский институт энергетической политики и экономики, Российско-Итальянский институт мировой энергетики, Российско-Французский институт энергетической дипломатии, Российско-Норвежский институт энергетического сотрудничества и Российско-Исландский институт возобновляемых источников энергии.

Открыты три международных магистерские программы продолжительностью 2 года каждая. Первая - Российско-норвежская магистратура по направлению "Менеджмент". В реализации программы участвуют крупнейшие норвежские нефтегазовые компании "Статойл" и "Норск Гидро", американская "Коно-

коФиллипс", российская "Роснефть" и др. Обучение магистрантов проходит в России и в Норвегии.

Большой интерес у бизнес-сообщества вызывает первая российско-норвежская программа МВА "Международный бизнес в нефтегазовой отрасли", ориентированная на топ-менеджеров ведущих компаний ТЭК.

Российско-итальянская магистратура по направлению "Экономика" открыта МИЭП МГИМО совместно с Миланским университетом Луиджи Боккони, который является признанным европейским лидером в области экономического и бизнес-образования и тесно сотрудничает с ведущими мировыми энергетическими компаниями.

У нас очень обширная деятельность. Мы рассматриваем экономические, международно-правовые аспекты, области пиара, экологические проблемы - одним, словом все вопросы энергетического характера.

А.Г. Оганесян:

Геннадий Иосифович говорил, что у нас практически нет технического регламента, особенно на работу на шельфе. Вот ваше сотрудничество с Норвегией. Может ли оно конкретно внести вклад в совместную разработку технических целей?

С.К. Васильев:

Помимо того, что мы ведем совместные магистровские программы, мы создали консорциум по проведению научных исследований в области технологий и их применения, экономической эффективности технологий и передачи передовых технологий норвежских компаний российским и наоборот. В этот консорциум входят, помимо российских и норвежских специалистов науки и образования, и представители МИДа (деньги, достаточно значительные, выделяются норвежским МИДом). Одна из задач нашего консорциума – продвигать новейшие технологии.

Валерий Анатольевич Цветков

заместитель директора Института проблем рынка РАН, член-корреспондент РАН, профессор, доктор физико-математических наук:

Я хотел бы в другом ключе поговорить об энергетике и экологии. Виталий Васильевич очень правильно ввел преамбулу – энергетика-экономика-экология. Если поменять понятие экономика, которое очень широкое, на слово модернизация, которое у всех на слуху. Эта реальность превращается в функцию, где модернизация определяется энергетикой и экологией. Наш Институт проблем рынка является сегодня головной организацией по программе модернизации РФ на долгосрочную перспективу в Российской академии наук. Занимаясь этой проблемой специалистам было интереснее посмотреть на проблему модернизации не глазами политического истеблишмента страны, которые её (проблему) сводят к энергосберегающим технологиям, а с точки зрения фундаментальной науки. Под модернизацией понимается энергосберегающие технологии. Споры нет. А нанотехнологии? У меня как ученого вызывает сомнение, а нет ли здесь подмены поня-

тий? Всегда предмет исследования определяет исследование. Но чтобы размеры нанотехнологий определяли дальнейшее развитие науки – спорно. Безусловно, мы должны заниматься нанотехнологиями, геотехнологиями, иначе мы потеряем профпригодность в этом направлении. Но почему-то в своих выступлениях и президент страны, и премьер-министр все время уходят от проблем нашего ТЭКа.

Когда речь заходит о проблемах российского топливно-энергетического комплекса, то на первый план выходит тезис о диверсификации экономики в целом. Среди отраслей российской промышленности ТЭК стопроцентно конкурентоспособен на мировом рынке. Значит, надо использовать эту его способность. Как? В Польше обнаружен сланцевый газ, в России знают, как с ним обращаться. В Бразилии обнаружено месторождение нефти на шельфе, «Газпром» готов в него вложить огромные средства. У «Газпрома» периодически возникают проблемы с поставками газа в Европу по политическим мотивам, а КНР готова покупать российский газ за 160 долларов за тысячу кубометров, в то время как мы (Россия) могли бы его отдать за 180 долларов. Получается, что наши конкурентоспособные преимущества уходят вниз. Значит, мы должны повышать производительность труда в ТЭКе, повышать оснащённость труда новейшими технологиями, что требует фундаментальных разработок, развития фундаментальной науки, а они в свою очередь «тянут» за собой прикладную науку, которая сегодня, по свидетельству специалистов, уничтожена. И наступает черёд прикладной модернизации, не форсированной, а прикладной. То, о чём сегодня забывается.

Модернизация определяется экологией. Эта взаимосвязь должна настораживать, мы должны быть готовы к действиям. Приведу пример, на Каспии трубопроводы изношены, инфраструктура не развивается. В случае разлива нефти там, экологическая катастрофа будет такой же, если не большей, чем в Мексиканском заливе. И об этом надо думать уже сегодня.

Ю.К. Шафраник:

Мы благодарим вас всех за участие в этой интересной дискуссии.

А.Г.Оганесян:

Благодарю всех участников Круглого стола за плодотворную работу, яркие, конструктивные выступления. Материалы Круглого стола «Энергетика и экология» будут опубликованы в журнале «Международная жизнь», на сайте www.interaffairs.ru можно будет посмотреть видеоотчет и прочитать полный текст дискуссии.

«Энергетика и экология»

Круглый стол
журнала «Международная жизнь»

при поддержке МИД России, «СОЮЗНЕФТЕГАЗ»,
Фонда «Мировая политика и ресурсы»

28 сентября 2010 года

Редакция журнала "Международная жизнь"
Главный редактор **Армен Оганесян**

Руководитель электронного издания -
Валентина Злобина

Выпускающий редактор -
Ольга Иванова

Дизайн, макет, верстка -
Антон Пантюхин

Фотографии -
Владимир Андрюшин

Адрес в интернете: <http://www.interaffairs.ru>,
электронный адрес: journal@interaffairs.ru

Адрес: 105064, Москва,
Гороховский переулок, 14
Телефон: +7 (499) 265-37-81
Факс: +7 (499) 265-37-71